

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: [BEMPGG](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.5](#)

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](#)

Публичная наука и антирелигиозная пропаганда в раннесоветский период

Сидорчук Илья Викторович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 sidorchuk_iv@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Публичная наука (public science) и традиции обращения к ней начали формироваться в России еще в дореволюционный период. В условиях раннесоветского общества она стала использоваться для решения тех задач культстроительства, которые новая власть полагала наиболее неотложными и принципиальными для построения социалистического общества. В том числе речь шла и об антирелигиозной пропаганде, успех которой большинством ответственных за ее организацию и проведение виделся возможным только при условии распространения научных знаний.

Методы и материалы. При подготовке статьи использовался ряд специально-исторических методов, в частности, сравнительно-исторический, историко-типологический и историко-генетический. Обращено внимание на работы в области социальной истории науки и антропологии техники. В качестве основных материалов исследования привлекались опубликованные и архивные источники, связанные с организацией антирелигиозной работы (периодические издания, программы работы атеистических кружков и антирелигиозных университетов, отчеты о проведении праздников, инструкции и материалы обследования раннесоветских пространств публичной науки таких как: клубы, красные уголки, дома культуры и пр.)

Результаты. Продемонстрировано, что организаторы антирелигиозной пропаганды активно обращались к практикам публичной науки, органично интегрируя их в различные формы культработы. В частности, речь идет о лекциях, беседах и вечерах, устройства экскурсий, праздников. Научно-популярными материалами была наполнена атеистическая периодика, а издания, концентрировавшие внимание на технической пропаганде и различных аспектах строительства нового быта, в свою очередь, обращались к антирелигиозной повестке.

Заключение. При всей дискуссионности вопроса о степени успеха большевистской борьбы с религией, представляется позволительным утверждать, что она способствовала росту скептического отношения к церкви и ее девальвации в глазах определенной части населения. Свою роль в этом сыграла и политико-просветительская деятельность, осуществлявшаяся через практики публичной науки, что помогало сделать ее более эффективной. Она способствовала формированию образа церкви как пережитка «темного прошлого», в котором властвовали суеверия и невежество. Кроме этого, при всех справедливых претензиях к методам проведения антирелигиозной агитации, благодаря публичной науке как ее

составляющей в обществе продвигались базовые знания о точных и естественных науках, технооптимизм, а также распространялись ценные сведения, касающиеся гигиены и охраны здоровья.

Ключевые слова: публичная наука; антирелигиозная пропаганда; советское общество; история досуга; история науки

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/> и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042.

Для цитирования: Сидорчук И.В. Публичная наука и антирелигиозная пропаганда в раннесоветский период // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 75–88. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.5>. EDN: BEMPGG.

© Сидорчук И.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Public Science and Anti-Religious Propaganda in the Early Soviet Period

Ilia V. Sidorchuk

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 sidorchuk_iv@spbstu.ru

Abstract

Introduction. Public science and the traditions of addressing it began to take shape in Russia back in the pre-revolutionary period. In the early Soviet society, it began to be used to solve those tasks that the new government considered the most urgent and fundamental for building a socialist society. This included anti-religious propaganda, the success of which was seen by most of those responsible for its organization and conduct only if scientific knowledge was disseminated.

Methods and materials. During the preparation of the article, a number of special historical methods were used, in particular, comparative historical, historical-typological and historical-genetic. In addition, attention was drawn to works in the field of the social history of science and the anthropology of technology, for example, one of the founders of actor-network theory, J. Lo, who introduced the concept of “heterogeneous engineering” for a comprehensive understanding of technological systems. The main research materials used were published and archival sources related to the organization of anti-religious work. We are talking about periodicals, work programs of atheist circles and anti-religious universities, reports on holidays, instructions and survey materials for such early Soviet spaces of public science as clubs, red corners, cultural centers, etc.

Results. It is demonstrated that the organizers of anti-religious propaganda actively turned to the practices of public science, organically integrating them into various forms of cultural work. In particular, we are talking about lectures, talks and evenings, organization of excursions, holidays. Atheistic periodicals were filled with popular scientific materials, and publications that focused on technical propaganda and various aspects of building a new way of life, in turn, addressed the anti-religious agenda.

Conclusion. Despite the debatable question of the degree of success of the Bolshevik struggle against religion, it seems permissible to assert that it contributed to the growth of skepticism towards the church and its devaluation in the eyes of a certain part of the population. Political and educational activities carried out through the practices of public science also played a role in this, which helped to make it more effective. She helped shape the image of the church as a relic of a "dark past" dominated by superstition and ignorance. In addition, despite all the fair claims to the methods of conducting anti-religious agitation, thanks to public science as its component, basic knowledge about exact and natural sciences, techno-optimism, and valuable information related to hygiene and health protection were promoted in society.

Keywords: public science; anti-religious propaganda; Soviet society; history of leisure; history of science

Funding: The study was implemented with the financial support of the RSF, project No. 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/>, and a grant from the St. Petersburg Science Foundation No. 25-28-20042.

For citation: Sidorchuk, I.V. Public Science and Anti-Religious Propaganda in the Early Soviet Period. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 75–88. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.5>. EDN: BEMPGG.

© Sidorchuk, I.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Традиции популяризации научных знаний и практики освоения учеными публичной науки (*public science*) во многом перекочевали в советское время из дореволюционной эпохи. Большевицкая власть дала новый и своеобразный импульс подобным начинаниям, которые теперь носили зачастую принудительный, а не инициативный характер [1, с. 325, 331; 2, с. 424–425; 3, с. 162]. Отказ от идей «чистой науки» и намеренная (и часто искусственная) привязка задач к провозглашенному лозунгу «Науку и культуру – в массы!» помогали ученым добиваться лояльности и поддержки со стороны властей. Успех той или иной инициативы, как в технических, так и гуманитарных науках, на первых порах зависел не столько от их идеологической близости идеалам новой власти, сколько от конкретной прикладной пользы от их реализации, практического характера, нацеленности на решение актуальных задач «государственного строительства» [4, с. 415].

Публичность как спасала ученого в новых условиях, так и могла принести награду в виде славы и репутации. Подобно Л. Пастеру, успешно создавшему себе образ спасителя Франции через завоевание интересов различных групп и убеждение их в принципиальной актуальности своих открытий [5, с. 10], советские ученые легитимизировали свою ценность не только через одобрение власти, но и масс.

Пропаганда науки и техники являлась одной из неотъемлемых составляющих массово-просветительной работы, на которую мобилизовали профессиональное ученое сообщество. Это привело к появлению сложной, но функционирующей конструкции из различных центров, занимавшихся ее организацией. Именно на них ложилась задача ее институционализации – выработки форм, видов и механизмов ритуализации практик получения знаний, порядка и степени прескриптивности их проведения.

В историографии подчеркивается, что одной из принципиальных для новой власти функций распространения научно-популярных знаний было «замещение религиозного мировоззрения упрощенной версией научного, материалистического мировоззрения» [3, с. 163]. В частности, в литературе, посвященной различным аспектам данного вопроса, эта мысль подробно раскрыта на примере школьного образования [6; 7, с. 145–247], а также деятельности различных организаций, занимавшихся антирелигиозной пропагандой, в частности кружков, школ и курсов [8; 9]. Отдельного внимания вопрос связи антирелигиозной пропаганды и раннесоветской публичной науки затронут в монографии Дж. Эндрюса, где особое внимание обращено на взаимосвязь популяризация науки в СССР с дореволюционными практиками, особенно в области естественно-научных знаний, а также борьбу между сторонниками различных форм антирелигиозной работы в 1920–1930-е гг. [10, p. 106–117].

В предлагаемом исследовании приводится попытка взглянуть на осуществлявшуюся кампанию по борьбе с религией и церковью в контексте распространения научно-популярных знаний в массах. С этой целью продемонстрированы пути ее реализации через комплекс практик публичной науки, значение антирелигиозной составляющей в культурно-просветительской работе, механизмы и приемы, использовавшиеся для противопоставления научного знания религиозному.

Материалы и методы

В рамках работы над проблемой использовался ряд специально-исторических методов. В частности, сравнительно-исторический метод позволил изучить вопрос развития публичной науки и антирелигиозной пропаганды в контексте советской культурной революции. Историко-типологический метод использовался для классификации практик культурно-просветительской работы в раннесоветский период. Историко-генетический метод позволил проследить процесс развития изучаемого явления. При рассмотрении специфики распространения технических и естественно-научных знаний для формирования материалистического мировоззрения целесообразным стало внимание к достижениям социальной истории науки и антропологии техники. Например, речь идет о выводах одного из создателей акторно-сетевой теории Дж. Ло, который ввел понятие «гетерогенная инженерия» для комплексного понимания технологических систем. Она предполагает «ассоциирование и канализацию разнородных сущностей и сил, как человеческих, так и нечеловеческих», что дает возможность изучать как в существовании системы участвуют различные факторы, включая социальные и технические [11].

Спектр опубликованных источников, использованных при подготовке статьи, представлен текстами партийных лидеров и активистов борьбы с религией, периодической печатью, включая как антирелигиозные журналы («Атеист», «Безбожник», «Безбожник у станка» и пр.), так и целый ряд научно-популярных изданий, где печатались материалы, связанные с рассматриваемым вопросом. Архивные источники, использованные в работе, в основном содержат данные, которые в той или иной степени связаны с работой пространств публичной науки, организацией культурно-просветительской работы и антирелигиозной пропаганды как ее неотъемлемой части. Например, речь идет об отчетах по культурработе, отложившихся в фондах профсоюзных организаций, отчетах различных клубов и кружков, сведениях о деятельности образовательных учреждений.

Результаты

Среди организаторов и активистов существовало два основных подхода к антирелигиозной борьбе. Первый предполагал более агрессивную и грубую агитацию, высмеивание, подчас оскорбление верующих и церкви. Этим, в частности, известен журнал «Безбожник у станка», выходивший под редакцией М. М. Костеловской. Она исходила из того, что привлечение науки к антирелигиозной борьбе – это «буржуазный» подход, и он может быть опасен, так как позволит вере человека адаптироваться к знанию о научных открытиях [10, p. 110]. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода, может быть за исключением 1929/30 г., победа в

спорах преимущественно оказывалась в руках сторонников распространения научной информации как одного из ведущих элементов антирелигиозной политики.

В частности, этого взгляда придерживались Е. М. Ярославский и Н. И. Бухарин. Последний указывал на необходимость помнить, что «есть разница между антирелигиозной пропагандой и хулиганством»¹. Практика работы на местах также вела скорее к более вдумчивому подходу. Например, в инструктивном письме от 29 декабря 1924 г., адресованном всем волостным и городским отделам народного образования Троцкого (Гатчинского) уезда Ленинградской губернии, об участии школы в проводимой комсомолом и партией антирелигиозной пропаганде указывалось: «Выявление безбожия проводится посредством антипоповских вечеров, частушек, инсценировок, носит бесшабашный уклон, с целью “разыграть” попов, богов, чертей и т. п. С таким методом антирелигиозной пропаганды необходимо решительно бороться, так как проводя так антирелигиозную пропаганду, мы, с одной стороны, не углубим и не обоснуем научно безверие школьника, не докажем пытливому уму ребенка чушь религиозных утверждений, разбивая их научными знаниями; [с другой стороны,] озлобим против себя родителей учащихся (раньше всего крестьян), оттолкнем от себя колеблющийся слой ребят, идущий к нам, но находящийся под влиянием семьи. Итак, антирелигиозная пропаганда в школе должна носить популярно-научный характер, без показного шума, без оскорбления чувств верующих бесшабашным антипоповством»².

Такие установки вели к повсеместному проникновению практик публичной науки в различные формы культурной работы, связанные с антирелигиозной пропагандой. Одной из самых простых и распространенных были лекции и беседы, устраивавшиеся в рабочих клубах, домах культуры, красных уголках, домах отдыха и иных пространствах, предназначенных для культурного досуга³. Их тематика корректировалась под проводившиеся празднества и кампании, поэтому максимального числа лекции на антирелигиозные темы достигали в период Рождества и Пасхи⁴. Речь шла не только о развенчании классовой сущности религии или роли церкви в противостоянии рабочему движению, но и о знаниях в области естественных и точных наук. Организаторам культурной работы говорилось, что «нужны темы из области естествознания и исторического материализма для пропаганды положительных

¹ Учительство и комсомол: доклад на Всесоюзном съезде учителей. [М.], 1925. С. 15.

² Инструктивное письмо об участии школы в антирелигиозной пропаганде, проводимой комсомолом и партией (всем волостным и городским отделам Троцкого уезда) от 29 декабря 1924 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 695. Л. 6.

³ В отдел пропаганды и агитации Обкома ВКП(б). Докладная записка // Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 3. Д. 300. Л. 18; Отчет клуба «Володарский металлист» завода им. Ленина, 1933 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-598К. Оп. 1-2. Д. 4181. Л. 15; Альбом учета проведенных вечеров, лекций, докладов и концертов, 1937 г. Дома коммунистического воспитания молодежи Октябрьского района // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 62. Л. 9; Культурная работа с 1 мая по 31 сентября 1930 г. (по первичной организации ВКП(б) советских учреждений г. Петергофа // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 2. Л. 63–63 об.

⁴ Протокол № 2 заседания Губ. Клубной Комиссии РЛКСМ от 19 марта 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 1; Дохман-Гармиза Г. К вопросу об антирелигиозной пропаганде в клубе // Коммунистическое просвещение. 1922. № 4–5. С. 71.

знаний, и воспитания материалистического мировоззрения. Например: “Происхождение земли и вселенной”, “История земли”, “Происхождение животных и человека”⁵. Причем в источниках регулярно встречается упоминание о том, что такая информация была интересна рабочим слушателям: «Несомненно близки рабочему естественнонаучные темы, прежде всего, его интересуют вопросы мироздания, происхождение жизни и человека. По этим темам антирелигиозник должен быть основательно подкован. Даже при проведении бесед на другие темы задаются вопросы на эти темы»⁶.

Соответствующие требования предъявлялись к антирелигиозному активу, пропагандистам, «толкачам» антирелигиозной повестки в массы. От них требовалось умение дать «разъяснение происхождения и сущности природных явлений в свете законов физики, химии и биологии». А для повышения эффективности в работе мог применяться иллюстративный метод. Например, в кружке безбожников вневойсковиков при Курганском Окрвоенкомате при проработке темы «Развитие жизни на земле» сначала были рассмотрены коллекции «Граниты, их роль в природе и значение для техники» и «Разрушение гранита и образование слоистых горных пород, зуб мамонта и др.», а знакомство с различными типами современных животных производилось на спиртовых препаратах⁷.

Получившие распространение «комсомольские» и «красные» празднования Пасхи и Рождества, в первую очередь, включали в себя различные представления и инсценировки⁸. Это позволяло добиться привлечения внимания, победить в конкуренции за посетителя церковь, куда шли в том числе и ради красивого праздничного зрелища. Однако зачастую такие мероприятия включали в себя и практики публичной науки. Например, в пасхальную ночь 1929 г. во Дворце им. Загорского в Москве, помимо музыки и спектакля, было выступление с лекцией на антирелигиозную тематику профессора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада В. В. Дермана, встреченное, если верить журнальной заметке, с колоссальным интересом⁹. Согласно плану проведения кампании «комсомольской пасхи» в 1923 г., разосланному всем губкомам, в рамках кампании требовалось показывать несовместимость религии с наукой, в том числе и через рассказ о преследовании со стороны духовенства таких ученых как Галилей, Бруно и Дарвин¹⁰. Инсценировки про расправу инквизиции над учеными, при всей их упрощенности и предвзятости¹¹, все же не могли не включать в себя информацию о

⁵ Крылов С. На борьбу с сектантством // Клуб и революция. 1929. № 5. С. 38.

⁶ Пуреховский Б. Антирелигиозная пропаганда на заводе // Просвещение на Урале. 1930. № 5. С. 83.

⁷ Русинова. Подготовим антирелигиозный актив (Из практики шефства над Красной Армией) // Просвещение на Урале. 1930. № 5. С. 85.

⁸ Протокол № 2 заседания Губ. Клубной Комиссии РЛКСМ от 19 марта 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 1; Рождество в клубах // Рабочий зритель. 1925. № 1. С. 17; Габэ Я. Припадок Папы Римского // Малые формы клубного зрелища. 1930. № 15. С. 28–35.

⁹ А. Д. В пасхальную ночь // Культурный фронт. 1929. № 9. С. 30.

¹⁰ Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 178–179.

¹¹ Захаров и Ефимов. «Рождество» на «Треугольнике» // Листок рабкора. 1923. № 4. 22 декабря. С. 2.

самих ученых и их открытиях, поэтому представляется вполне возможным отнести их к примерам публичной науки.

Темы происхождения мира и земли, видов и жизни на планете входили в программы антирелигиозных кружков [8, с. 18]¹². Е. М. Ярославский в предисловии к подготовленному для них в 1928 г. учебнику писал: «...мы не думаем, что можно заменить одним классовым чутьем необходимость известного количества элементарных знаний по вопросам, интересующим массы верующих»¹³. Как следствие, в книге содержались материалы, дающие общую картину вселенной, информацию о жизни звезд, геологической истории земли, сведения об обнаружении останков первобытных людей¹⁴. Активно использовавшиеся в культработе экскурсии также были направлены в том числе и на антирелигиозную пропаганду. Например, темой экскурсии в Коломенское была «Царь у себя в поместье и роль церкви в управлении государством»¹⁵, а в отдел Древнего Египта Эрмитажа – «Умирающие и воскрешающие боги»¹⁶.

В конце 1920-х гг. появилась такая новая форма учебных заведений, как рабочие антирелигиозные университеты. Их цель состояла в подготовке достаточного числа кадров для усиления борьбы с религиозными пережитками и пропагандистской работы на местах [12, с. 77]. Обращение к их программам показывает, что они включали в себя курс физики, математики, химии, биологии, мироведения с вниманием к таким вопросам, как строение вселенной (включая посещение планетария), образование земной коры и атмосферы¹⁷. В объяснительной записке к смете Ленинградского антирелигиозного рабочего университета на 1930/31 уч. год для обеспечения наглядными пособиями рекомендовалось посещение различных музеев города – Горного, Зоологического, Живой природы (зоопарка), Эрмитажа и др.¹⁸ Университеты также могли издавать научно-популярные книги, например посвященные истории Земли¹⁹.

Обращение к антирелигиозной периодике эпохи показывает, что она неизменно включала в себя актуальные новости развития науки и техники. Это объясняется в том числе и тем, что в росте технической грамотности власть видела один из залогов распространения материалистического мировоззрения. Как заметил в 1926 г. С. М. Киров, «...нам надо будет отучить мужика молиться Николаю чудотворцу и пахать сохой времен святого Владимира. Нам надо сделать так, чтобы он действительно, не на словах, а на деле, приобщился к электрификации и прочим таким

¹² Рабочий антирелигиозный университет им. И. И. Степанова-Скворцова. Отчет за 1930–31 уч. год. Л., 1931. С. 1.

¹³ Учебник для рабочих антирелигиозных кружков / Под ред. А. Лукачевского. М., 1928.

¹⁴ Там же. С. 6, 20–58.

¹⁵ Куда устраивать экскурсии // Культурный фронт. 1929. № 13. С. 23.

¹⁶ Черепнина Т. Н. Как и куда организовать экскурсии. Л., 1928. С. 58, 79, 96, 102–103.

¹⁷ Рабочий антирелигиозный университет им. И. И. Степанова-Скворцова. отчет за 1930–31 уч. год. Л., 1931. С. 19; Антирелигиозный рабочий университет. Сборник программ. М., 1932. С. 82–88; Рабочий антирелигиозный университет. Сборник программ и материалов на 1930–31 учебный год. М., 1930.

¹⁸ Объяснительная записка к смете Ленинградского Антирелигиозного Рабочего Университета на 1930/31 учебный год // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 153. Д. 185. Л. 53 об.

¹⁹ Розанов А. Н. Земля и ее история. М., 1929.

вещам, которые пока еще фигурируют у нас везде только в виде диковинок, а нам надо их действительно внедрить в наше сельское хозяйство самым органическим способом»²⁰. Соответственно проекты, направленные на индустриальное развитие страны, в частности электрификация, понимались и как путь борьбы с суевериями²¹. Большие надежды связывались с радиофикацией. Так, Л. Троцкий заявлял, что если в Америке радио используется для религиозной пропаганды и распространения суеверий, то в СССР оно должно способствовать продвижению культуры²².

Разумеется, в специализированных антирелигиозных изданиях вся информация подавалась для доказательства абсурдности религиозного взгляда на природные явления или зарождение жизни. Например, цель рассказа об острове Пасхи заключалась в демонстрации того, что его каменные гиганты «являются памятником рождения религии из чувства страха и живым доказательством бесплодности религии»²³. Тем не менее, из этого текста читатель мог узнать об истории открытия острова и об одном из самых загадочных памятников человеческой цивилизации. То же можно сказать и о значительном числе других публикаций. Кроме этого, в атеистической периодике выходили работы известных ученых, которые можно использовать в антирелигиозной пропаганде, но при этом сложно отрицать их значение для развития человеческой мысли. Например, в журнале «Атеист» была напечатана «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера²⁴ и «Будущее одной иллюзии» З. Фрейда²⁵.

Представляется, что областью, где связь антирелигиозной пропаганды и публичной науки могла иметь наиболее позитивные для общества последствия, была медицина, представления о которой среди значительной массы населения находились на примитивном уровне. Распространение знаний о гигиене становилось частью борьбы за новый быт и одновременно светское мышление, так как ряд принятых религиозных практик и ритуалов объективно требовал переосмысления. Например, речь могла идти об опасности передачи различных заболеваний через поцелуй иконы, руки священника и пр. Особенно часто в этой связи упоминался сифилис²⁶, распространение которого действительно приобрело в раннесоветский период угрожающие масштабы. Так, мог приводиться рассказ о пастухе, который заразился из-за целования креста после больной женщины, а предшествовали этой грустной истории такие слова: «Все вы слышали про болезнь – сифилис! Сифилисом можно заболеть через посуду, через поцелуи... Вот и расскажу вам один случай из жизни»²⁷.

В научно-популярных работах, подготовленных врачами, утверждалось, что из-за игнорирования санитарных мер всякая религия способствует распространению

²⁰ Киров С. М. Мы вышли на широкую дорогу социалистического строительства // Киров С. М. Избранные статьи и речи. Л., 1939. С. 239.

²¹ Л. Ан. Электрификация страны – решительный удар по религиозному мракобесию // Безбожник. 1931. № 1. С. 8.

²² Тов. Троцкий у радиолюбителей // Ленинградская правда. 1926. № 50. 2 марта. С. 2.

²³ Рожицын В. Тайна острова Пасхи // Безбожник. 1926. № 8. С. 4–6.

²⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Атеист. 1928. № 30. С. 43–72.

²⁵ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Атеист. 1928. № 32. С. 58–96.

²⁶ Напр.: Глязер С., Копицкий Н. Досуг безбожника. М., 1930. С. 47.

²⁷ Петелин Г. Зараза // Безбожник. 1926. № 2. С. 1–3. С. 2.

болезни: «"Прикладывание" ко кресту, к плащанице, к иконам, лобызание "благочестивых", но отнюдь не чистых, батюшкиных рук – все это может служить и служит источником прямой передачи заразных болезней». Кроме этого, сообщалось об опасности скопления народа во время богослужений и пасхального «христосования» в период эпидемий. Отмечалось, что не только способствуют появлению, но и мешают лечению болезней практики, когда из-за суеверий не прибегают к помощи официальной медицины, заменяя ее верой в сглаз, заговоренные вещи и пр.²⁸ К этому добавлялось упоминание религиозного помешательства, могущего наступить во время постов из-за ограничений в еде²⁹. При этом материалы, посвященные правильному здоровому питанию, могли и не содержать критику религиозных традиций, но четко транслировали мысль о возможном вреде жестких ограничений в еде для здоровья³⁰.

Как и в случае с физикой и естествознанием, всячески приветствовалась наглядность. Например, для доказательства того, что «святая вода», вопреки распространенной вере, все-таки портится, в микроскоп рассматривались микробы в ней³¹. При этом декларировалось, что характер подобных мероприятий должен быть естественно-научным и глубоко-пропагандистским³².

Прекрасный повод для антирелигиозного просвещения давали традиции потребления алкоголя в церковные праздники. Пропаганда активно эксплуатировала мысль о неразрывной связи веры и пьянства. Один из главных борцов с алкоголизмом, В. М. Бехтерев, в работе «Алкоголизм и борьба с ним» отстаивал тезис о том, что церковные праздники являются причиной пьянства³³. Похожие соображения высказывались в большинстве научно-популярных изданий про алкоголизм – церковь обвинялась в его распространении, оправдании потребления спиртного, а также поддержке спаивания народа в дореволюционный период. Таким образом, успешная антиалкогольная борьба виделась ее активистам возможной только при условии осуществления параллельно с антирелигиозной³⁴.

В раннесоветских условиях проводилась попытка смещения религии в область девиации, а исполнения церковных обрядов и празднеств, равно как и посещение церкви или молитвы, в область девиантного досуга. При этом церковь как институт объявлялась символом не только тяжелого и трагичного наследия прошлого, ответственным за спаивание и угнетение трудящихся масс, но и интеллектуальной убогости. Борьбой с невежеством могло аргументироваться и закрытие церквей, их переделка под клубы: «Рабочие требуют закрытия гнезда темноты и невежества. На Покровке и до настоящих дней процветают пьянство, торговля водкой, проституция, разврат и хулиганство. Только рабочий клуб оздоровит этот район. Это еще раз

²⁸ Сегал А., д-р. Религия и болезни // За новый быт. 1929. № 9-10. С. 18–19. С. 18.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Гинцберг Д. Как питаться (продолжение) // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1928. № 7. С. 7.

³¹ Горский Б. В Нижне-Тагильской Совпартшколе // Рабочий журнал. 1924. № 2. С. 20.

³² Протокол № 2 заседания Губ. Клубной Комиссии РЛКСМ от 19 марта 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 1.

³³ Бехтерев В. М. Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927. С. 31.

³⁴ Евгениев Б., д-р мед. «Зеленый змий». Пьянство и алкоголизм. Пг., 1923. С. 8–9.

заверяет нас в том, что основное ядро рабочих нашего завода порвало всякую связь с религией»³⁵. Поэт С. Городецкий на страницах «Рабочей газеты» в 1923 г. предлагал такую частушку: «Звонит даром колокольня, / Церковь целый день пуста, / Намолились мы довольно, / Пора книжки почитать»³⁶. Весьма показателен и лозунг «Не в церковь, а в музеи и театры»³⁷, дававший четкое представление о том, где стоит искать культурный и развивающий отдых.

В рамках работы по дискредитации церкви власть стремилась трансформировать и образ верующего, низводя религиозного человека в разряд аутсайдера, добровольного изгоя в новом обществе, где ориентируются на разум и достижения научного прогресса, а не веру. Соответствующим конструировался и образ священника (как православного, так и нет). Он должен был являться ограниченным и необразованным мракобесом и ретроградом. Например, в постановочных агит-судах ему могла отводиться роль не только противника коллективизации, но и техники в целом, полагавшим, в частности, что «воздушный флот – выдумка дьявола»³⁸.

Выводы

Вопрос о степени набожности советского населения, равно как и успехах антиклерикальной политики власти, является весьма дискуссионным. Отход от религиозности, как насильственный, так и вполне естественный в рамках начавшейся еще до 1917 г. секуляризации сознания, действительно имел место быть [13, с. 47–48; 14, с. 136]. Одновременно в период 1920-х гг. религия постепенно уходила из публичной сферы в частную [15, с. 138–139], а исполнение религиозных обрядов могло являться не столько проявлением религиозности, сколько следствием сохранения бытовых традиций [13, с. 50]. Сообщения об успехах борьбы с «религиозным дурманом» сочетались с информацией о все еще сохранявшейся популярности церковных праздников [16, с. 184; 17]³⁹.

В первой половине 1920-х гг. издания были полны рекламы товаров к ним – салютов, куличей и т. п.⁴⁰ По сообщению председателя культкомиссии одного из предприятий, в Калуге в 1929 г. много молодых рабочих пело в церковном хоре, а «в пасхальные праздники большинство рабочих отказалось работать»⁴¹. Из Иркутска в 1931 г. поступали тревожные сигналы о том, что «если не будут приняты сейчас же энергичные меры, то прогулы в дни “пасхи” могут возрасти»⁴². В ряде регионов миряне активно сопротивлялись изъятию церковных ценностей [18]. Были случаи, когда люди отказывались принимать участие в антирелигиозной пропаганде, например, в 1929 г. в Колпино оркестр не стал выступать на антирелигиозном вечере⁴³. Иконы с горящими лампадами стояли не только дома, но и на работе⁴⁴.

³⁵ А. И. Быть на чеку // Стапель. 1929. № 28 (40). 24 декабря. С. 2.

³⁶ Городецкий С. Накануне рождества // Рабочая газета. 1923. № 4. 6 января. С. 1.

³⁷ Культура и трезвость. 1929. № 8. С. 9.

³⁸ Николаев А. Авио-агитсуд. М., 1925.

³⁹ Ижорский. У Николы Колпинского // Ленинградский металлист. 1929. № 13-14. С. 22.

⁴⁰ См., напр.: Зрелища. 1923. № 30.

⁴¹ Бернардов С. Культурная работа в Калуге // Культурный фронт. 1929. № 18. С. 44.

⁴² Кумовство и пьянство // Восточно-Сибирская правда. 1931. № 81. 10 апреля. С. 4.

⁴³ Гаппоев. Случай с Колпином – грозное предостережение // Ленинградский металлист. 1929. № 27. С. 22.

В период первой пятилетки, характеризующийся массовым притоком сельского населения в города, процент верующих мог даже расти: именно вчерашние крестьяне, в подавляющем большинстве верующие люди, составляли основную часть прихожан [19, с. 150]. Снижение антирелигиозного прессинга относится ко второй половине 1930-х гг., когда «маркирование всего, связанного с верой, как социальной аномалии, стало ослабевать» [15, с. 141].

Определенным ориентиром, способным помочь дать ответ на вопрос об успехе антирелигиозной работы власти, обычно считают результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г. Они показали, что более 55 миллионов человек в СССР причисляли себя к верующим, из которых более 41 миллиона – к православным [20, с. 99]. Если сравнивать эти показатели с дореволюционными, то успех секуляризации общества очевиден, особенно учитывая более низкий уровень религиозности среди молодежи [20, с. 102]. С другой стороны, эти цифры можно интерпретировать и как провал антирелигиозной кампании – огромное число граждан, несмотря на усилия власти, сохраняло преданность вере, а также не боялось об этом открыто заявлять. В любом случае, можно говорить о том, что религия, церковные праздники, обряды и традиции не исчезли из быта советского населения, независимо от отношения, которое каждый испытывал к ним.

Антирелигиозная пропаганда 1920–1930-х гг., проходившая параллельно с жестокой репрессивной политикой в отношении церкви, безусловно не могла не сыграть свою роль в деклерикализации общества. При этом практики публичной науки, которые активно и подчас весьма творчески использовали активисты антирелигиозной борьбы, могли выполнять конструктивную роль. Так, они способствовали расширению знаний о точных и естественных науках, распространению светского мировоззрения, базовых представлений в области гигиены и охраны здоровья, пониманию ценности научного познания, и, наконец отказу от неуместных в условиях быстрого технологического развития суеверий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 471 с. EDN: [CZBBMA](#).
2. Российские университеты XVIII–XXI веков: Разрывы и преемственность / под ред. М. В. Грибовского. Томск: Томского государственного университета, 2025. 456 с. EDN: [QSMUIO](#).
3. Абрамов Р.Н. Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // Время, вперед! Культурная политика в СССР / Под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 161–177. EDN: [WXWNHH](#).
4. Долгова Е.А. «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. С. 405–416. EDN: [YSEIDW](#).
5. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.
6. Синельников С.П. «Орудие царско-помещичьего и буржуазного гнёта»: основы антирелигиозного образования в советской школе в 1927–1929 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 110–120. EDN: [MTIBTF](#).

⁴⁴ Безбожница. А германским рабочим собираете? // Листок рабкора. 1923. № 1. 24 ноября. С. 3.

7. Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-х годах. Основные формы и методы // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 243–253. <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2024-3-243-253>. EDN: **OHQPBR**.
8. Фолиева Т.А. Антирелигиозные кружки как начальная ступень системы образования союза безбожников // Религиоведческие исследования. 2022. № 1 (25). С. 10–24. <https://doi.org/10.23761/rrs2022-25.10-24>. EDN: **HIMWLH**.
9. Злобин А.Н. Эволюция культов советских вождей в Центрально-Черноземной области в 1928–1934 гг. // Вопросы истории. 2021. № 9. Ч. 2. С. 82–94. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi37>. EDN: **YXCEDZ**.
10. Andrews J.T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station: Texas A&M University Press, 2003. XII, 234 p.
11. Ло Дж. Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии // Логос. 2018. Т. 28. № 5 (126). С. 169–202. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-169-199>. EDN: **YLMZPJ**.
12. Метель О.В. Изучение религиозной проблематики в стенах Коммунистической академии: от кабинета религиозной идеологии к антирелигиозной секции // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 69. С. 71–86. <https://doi.org/10.15382/sturI201769.71-86>. EDN: **YHCMWH**.
13. Булавин М.В. Религиозность и секуляризация в среде рабочего класса Среднего Урала в период 1920–1930-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 10. Вып. 10. С. 47–51. EDN: **OJWOZF**.
14. Шнайдер В.Г., Койчуев А.Д. Лютеранская община Армавира в 1880–1930 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2019. № 4 (249). С. 132–138. EDN: **JXLJYN**.
15. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с. EDN: **RYEBBF**.
16. Храмов С.В. Становление и развитие протестантских общин города Саранска в советский период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 183–190. EDN: **TKSWDR**.
17. Фолиева Т.А. Деконверсия в воспоминаниях обычных советских женщин // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.05>. EDN: **ZAYNGX**.
18. Яковлева А.П. Роль мирян в борьбе за церковь в 1920–1930-е гг. (на примере русского Севера) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2019. № 29. С. 90–97. EDN: **WSNWWU**.
19. Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с. EDN: **YDDDYX**.
20. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

REFERENCE

1. Dolgova, E.A. *Rozhdeniye sovetskoy nauki: uchenyye v 1920–1930-ye gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s and 1930s]. Moscow: RGGU Publishing House, 2020. 471 p. (In Russian). EDN: **CZBBMA**.
2. *Rossiyskiye universitety XVIII–XXI vekov: Razryvy i preymstvennost* [Russian Universities of the XVIII–XXI Centuries: Gaps and Continuity]. Edited by M. V. Gribovsky. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2025. 456 p. (In Russian). EDN: **QSMUIO**.
3. Abramov, R.N. *Populyarizatsiya nauki v SSSR kak element kulturnoy politiki* [Popularization of Science in the USSR as an Element of Cultural Policy]. *Time, forward! Cultural policy in the USSR*. Edited by I.V. Glushchenko, V.A. Kurenyy. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. P. 161–177. (In Russian). EDN: **WXWNHH**.
4. Dolgova, E.A. “Project-Based Science”: Scientists and State Management of Science in the Post-Revolutionary Years. *The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social*

Transformations. A collection of scientific papers. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2017. P. 405–416. (In Russian). EDN: [YSEIDW](#).

5. Latour, B. Daye mne laboratoriyu, i ya perevernu mir [Give Me a Laboratory, and I will Turn the World Upside Down]. *Logos*. 2002. No. 5–6 (35). P. 1–32. (In Russian).

6. Sinelnikov, S.P. “The Instrument of Tsarist Landowner and Bourgeois Oppression”: The Foundations of Anti-Religious Education in Soviet Schools in 1927–1929. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*. 2010. No. 3. P. 110–120. (In Russian). EDN: [MTIBTF](#).

7. Shmakov, A.A., Abidulin, A.M. Anti-Religious Propaganda in the USSR in the 1920s and 1930s. Basic Forms and Methods. *Bulletin of the Chuvash University*. 2024. No. 3. P. 243–253. (In Russian). <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2024-3-243-253>. EDN: [OHQPBR](#).

8. Folieva, T.A. Antireligious Circles as the Initial Stage of the Education System of the Union of Atheists. *Religious Studies*. 2022. No. 1 (25). P. 10–24. (In Russian). <https://doi.org/10.23761/rrs2022-25.10-24>. EDN: [HIMWLH](#).

9. Zlobin, A.N. The Evolution of the Cults of Soviet Leaders in the Central Chernozem Region in 1928–1934. *Questions of History*. 2021. No. 9. Part 2. P. 82–94. (In Russian). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi37>. EDN: [YXCEDZ](#).

10. Andrews, J.T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station: Texas A&M University Press, 2003. XII, 234 p.

11. Lo, J. Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion. *Logos*. 2018. Vol. 28. No. 5 (126). P. 169–202. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-169-199>. EDN: [YLMZPJ](#).

12. Metel, O.V. The Study of the History of Religions in the Communist Academy: From the Cabinet Religious Ideology to Anti-Religious Section. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies*. 2017. Iss. 69. P. 71–86. (In Russian). <https://doi.org/10.15382/sturI201769.71-86>. EDN: [YHCMWH](#).

13. Bulavin, M.V. Religiosity and Secularization Among the Working Class of the Middle Urals in the Period of the 1920s and 1930s. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2011. Vol. 10. Iss. 10. P. 47–51. (In Russian). EDN: [OJWOZF](#).

14. Schneider, V.G., Koichuev, A.D. The Lutheran Community of Armavir in 1880–1930. *Bulletin of the Adygea State University. Series I*. 2019. № 4 (249). P. 132–138. (In Russian). EDN: [JXLJYN](#).

15. Lebina, N.B. Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody [Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. The Years 1920–1930]. St. Petersburg: Summer Garden, 1999. 320 p. (In Russian). EDN: [RYEBBF](#).

16. Khramov, S.V. Formation and Development of the Protestant Communities in Saransk in the Soviet Period. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 4 (54). Part II. P. 183–190. (In Russian). EDN: [TKSWDR](#).

17. Folieva, T.A. Deconversion in the Memories of Common Soviet Women. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2019. No. 1. P. 61–70. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.05>. EDN: [ZAYNGX](#).

18. Yakovleva, A.P. Rol miryan v borbe za tserkov v 1920–1930-ye gg. (na primere russkogo Severa) [The Role of the Laity in the Struggle for the Church in the 1920s and 1930s. (on the Example of the Russian North)]. *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities]*. 2019. No. 29. P. 90–97. (In Russian). EDN: [WSNWWU](#).

19. Khatanzeyskaya, E.V. Sovetskiy gorod v ekstremalnoy povsednevnosti: Arkhangel'sk v epokhu industrializatsii i Vtoroy mirovoy voyny 1929–1945 gg. [The Soviet City in Extreme Everyday Life: Arkhangel'sk in the Era of Industrialization and World War II, 1929–1945]. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. 311 p. (In Russian). EDN: [WSNWWU](#).

20. Zhiromskaya, V.B., Kiselyov, I.N., Polyakov, Yu.A. Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 goda [Half a Century Classified as “Secret”: The All-Union Population Census of 1937]. Moscow: Science Publishing House, 1996. 152 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидорчук Илья Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-9760-2443

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sidorchuk Ilya V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-9760-2443

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026.

Одобрена после рецензирования 18.04.2026.

Принята 20.04.2026.

Received 14.04.2026.

Approved after reviewing 18.04.2026.

Accepted 20.04.2026.